

УДК 82-1/-9
ББК 83.3(4)

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-28-38

ПОЛЕМИКА А. ЖИДА В КНИГЕ «ДОСТОЕВСКИЙ» С ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛЬЮ НАЧАЛА XX ВЕКА

Д. Д. Усенок

Аннотация. Цель статьи – описать контекст, в котором сформировался замысел книги Андре Жида «Достоевский» (1923), и объяснить заостренную полемичность текста французского модерниста. Основными целями Жида было «переоткрыть» Ф. М. Достоевского для французских читателей, которого, по его убеждению, неверно представил Э.-М. де Вогиюэ, и утвердить собственную эстетическую позицию в споре с католическими критиками. Помимо интереса к наследию Достоевского, А. Жид рассуждает о России и русских вне контекста существующих на Западе стереотипов. Его интересует религиозное сознание русского человека и причины, по которым оно отличается от европейца, на примере художественных текстов русского классика.

Ключевые слова: Андре Жид, Ф. М. Достоевский, рационализм, мистицизм, жанр, Россия.

Для цитирования: Усенок Д. Д. Полемика А. Жида в книге «Достоевский» с французской консервативной мыслью начала XX века // Наука и школа. 2021. № 5. С. 28–38. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-28-38.

ANDRÉ GIDE'S DISPUTE WITH FRENCH CONSERVATIVE CRITICISM OF THE EARLY XX CENTURY IN HIS BOOK "DOSTOEVSKY"

D. D. Usenok

Abstract. The paper's idea is to describe the context in which the concept of André Gide's "Dostoevsky" (1923) took shape, and to explain the acute polemical nature of the text produced by the French modernist. Gide's key goals were to „re-discover” Fyodor Dostoevsky for French readers, who – in the opinion of Gide – was misrepresented by Eugène-Melchior

© Усенок Д. Д., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

de Vogüé, and to assert his own aesthetic stance in the dispute with Catholic criticism. In addition to his interest in Dostoevsky's legacy, André Gide expounds on Russia and Russians outside of the context of stereotypes existing in the West. Gide is interested in the religious consciousness of the Russian person and the reasons why it differs from the European counterpart using the literary texts by the Russian classic as the example.

Keywords: *André Gide, F. M. Dostoevsky, rationalism, mysticism, genre, Russia.*

Cite as: Usenok D. D. André Gide's dispute with French conservative criticism of the early XX century in his book "Dostoevsky". *Nauka i shkola*. 2021, No. 5, pp. 28–38. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-5-28-38.

На рубеже XIX–XX вв. русская литература стала модной и востребованной во Франции. Первым русским писателем, получившим большую известность среди французских читателей и интеллектуалов, стал И. С. Тургенев. Вслед за этим возросла популярность Л. Н. Толстого. В конце XIX в. появляются две наиболее значительные работы об истории и культуре России: «Империя царей и русские» (1881–1885) историка и публициста А. Леруа-Больё и «Русский роман» (1886) знаменитого французского литератора Эжена Мельхиора де Вогюэ. В своей работе Вогюэ рассуждает о мистицизме русского человека на примерах произведений писателей России, отказываясь от привычных западных штампов о варварстве и нецивилизованности русских. Де Вогюэ противопоставляет религиозный мистицизм русской литературы рационализму французского натурализма Э. Золя и братьев Гонкуров. Де Вогюэ нигде не дает определения предложенному им понятию «мистицизма». Но в своей статье «Константы русскости и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена Мельхиора де Вогюэ "Русский роман"» В. П. Трыков, давая подробный анализ книги, предлагает следующее понимание мистицизма у Вогюэ: «особая душевная настроенность, когда чувство, интуиция, воображение, вера превалируют над разумом» [1, с. 128]. Следует

подчеркнуть, что де Вогюэ стоял у истоков «католического возрождения», придерживался консервативных взглядов и выступал с критикой Просвещения наравне с другими консервативными мыслителями Франции. «Русский роман» произвел сильное впечатление на Андре Жида и заставил его спорить с французским популяризатором русской литературы. Холодный аналитизм, в котором Вогюэ обвинял современный ему французский роман, был, по его мнению, связан с общим кризисом европейской культуры. Во многом интерес у французского читателя к Тургеневу, Толстому и Достоевскому был вызван общим ощущением духовного кризиса общества, о котором высказывался де Вогюэ. Книга Вогюэ стала поворотной в восприятии России и русской литературы французским читателем и во многом определила будущий интерес А. Сюареса, Ж. Ривьера и, конечно, А. Жида к Достоевскому и его христианскому мировоззрению.

Писательская биография Андре Жида (1869–1951) была во многом определена его постоянным стремлением выйти за рамки собственной стилистики, общественной морали и других освоенных им пределов, которые он желал преодолеть. События, происходившие в мире на протяжении долгой жизни писателя, заставляли его менять собственные взгляды и искать новые ориентиры. Жид начинал как аполитичный эстет в

литературе, затем стал симпатизировать левым идеям и впоследствии неоднократно менял свои убеждения, соотносясь не с конъюнктурой, но с внутренним самоощущением. Французский модернист пережил две мировые войны, другие сложные этапы в истории своей родины, Великую Октябрьскую революцию, которой интересовался, распад колониальных империй и многие другие события XX в. Непрерывающийся творческий поиск стал главной писательской установкой, что наглядно выражено в изданном «Дневнике» (1887–1950) Жида. «Дневник», страницы которого вобрала все основные этапы творческой деятельности писателя, стал одним из главных памятников автобиографической литературы XX в. По этому «Дневнику» можно проследить, какое важное место в жизни Жида занимали размышления о Ф. М. Достоевском, русской литературе и России. Во многом Достоевский стал для Жида тем автором, с которым он сверял свою жизнь, свои взгляды и поступки. Сборник статей и лекций «Достоевский» (1923) А. Жида стал не только одной из главных работ во Франции о русском писателе, но и восполнил разные неизученные в то время этапы творческой биографии ее автора.

Первая запись в «Дневнике», говорящая об интересе Жида к русскому классику, относится к 1890 г., а последний развернутый комментарий датирован 28 августа 1941 г. Жид пишет о своей встрече с И. А. Буниным, с которым они спорили о месте Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в литературе. Жид, говоря о своей глубокой приязни к Достоевскому, не понимает, почему Толстой занимает такое важное место в писательской иерархии, сложившейся в сознании Бунина. «Его культ Толстого малопривычен мне, равно как его презрение к Достоевскому, Щедрина, Сологубу. Определенно у нас разные святые, разные боги» [2, с. 780]. Влияние Достоевского на Жида сказалось на главных произведениях

писателя: «Имморалист» (1902), «Подземелья Ватикана» (1914) и «Фальшивомонетчики» (1925).

Книга А. Жида «Достоевский» (1923) включает в себя четыре текста о русском классике, написанные в период с 1908 по 1922 г. Жид в этой книге интересуется не только художественное значение романов Достоевского, но и причины, по которым восприятие русского классика может быть затруднено для западного читателя. Первой задачей Жида было «переоткрыть» французам Достоевского, оспаривая почти всех своих предшественников, написавших об авторе «Братьев Карамазовых» (1880). Отсюда полемичность текста, написанного французским модернистом. Для лучшего понимания наследия русского классика Жид обращается к разнице между русским и западным человеком, ссылается на уже написанные в Европе работы о России и русском классике. Отходя от стереотипных рассуждений о России, Жид погружает читателя в контекст русской жизни, различия конфессий православия и католичества. Второй задачей Жида было высказать собственные идеи, опираясь на фигуру русского классика, актуализировать те аспекты его наследия, которые имеют отражение в произведениях самого Жида.

Первый текст книги Жида – это анализ переписки Достоевского, текст, написанный в 1908 г. Глава «Переписка Достоевского» состоит из двух частей: в первой Жид пишет о личной переписке Достоевского с братом и близкими людьми, обращая внимание на стиль текстов и эволюцию взглядов писателя; во второй части Жид представляет вниманию читателя анализ публицистики Достоевского и отрывков из «Дневника Писателя», подчеркивая сложность мировоззрения русского классика и его писательскую требовательность по отношению к самому себе. Вторая глава книги Жида (1911) посвящена «Братьям Карамазовым», а именно проблеме

переводов романа на французский язык: плюсам и, что важнее, минусам, из-за которых, по убеждению Жид, чтение книги затруднено для французского читателя. В третьей главе (1921) – «Речь, произнесенная в зале *Vieux Colombier* на праздновании столетия со дня рождения Достоевского» – Жид оспаривает мнение западных литературоведов и читателей, обвиняющих русского классика в иррационализме его персонажей. Он говорит о «непрочитанности» Достоевского на Западе и его всемирном значении. В четвертой главе (1922) представлены лекции, которые Жид читал в зале *Vieux Colombier*. Эта часть существенно превышает предыдущие три главы книги и состоит из шести лекций. В лекциях творчество Достоевского интерпретируется исходя из особенностей его биографии, воззрений, анализируется поэтика романов и типы его персонажей. Четвертая глава является расширенным дополнением к тому, что Жид писал в первых частях книги, однако новым важным аспектом рецепции становится анализ произведений писателя через призму его христианского мировоззрения. Выделенные Жидом типажы Достоевского рассматриваются в лекциях в категориях смирения и гордыни.

Жид начинает свою книгу с нескольких важных тезисов. Он говорит о том, что фигура Л. Н. Толстого до сих пор (1908) заслоняет для западного читателя масштаб Достоевского, который, по мнению Жид, превышает значение Толстого. Причины недостатка популярности Достоевского Жид усматривает в том, как русского писателя представил Э.-М. де Вогюэ в «Русском романе». Андре Жид был очень увлечен этой книгой де Вогюэ в молодости. В «Переписке Достоевского» Жид дает оценку книге своего предшественника и использует ее как повод для дискуссии. По мнению Жид, несомненной заслугой Вогюэ было то, что он смог представить западному читателю современную русскую

литературу, однако произведения Достоевского, на которых сосредоточивает свое внимание Вогюэ, не являются первостепенными среди других его произведений. Жид полагал, что книга Вогюэ повлияла на появление в конце 1880-х гг. во Франции изданий «Бедных людей», а позже «Двойника», «Чужой жены» и других повестей писателя, но заслонила такие важные романы, как «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы».

Жид хочет выступить настоящим первооткрывателем Достоевского, оспаривая своего самого известного предшественника: «И в результате не знаешь, какое собственно чувство должно возобладать в тебе: благодарность ли, ибо в конце концов он ведь первый указал нам на Достоевского, или же раздражение, – так как вопреки желанию Вогюэ, при всех его явно добрых намерениях, дает нам плачевно обедненный, неполный и тем самым искаженный образ этого необыкновенного гения» [3, с. 206]. Жид цитирует Вогюэ, написавшего, что чтение Достоевского невероятно утомляет читателя, которому, ко всему прочему, необходимо разбираться в путанице книг Достоевского. Какой именно путанице, ни Жид, ни Вогюэ не поясняют, но Жид укоряет Вогюэ за этот пассаж, говоря, что салонному сознанию возможно и нелегко было с первого раза схватить или постигнуть Достоевского. Жид подчеркивает, что из-за подобных суждений могли задержать переводы, издания и распространение сочинений русского писателя [3, с. 207]. Один из важных аспектов, применительно к которым Жид анализирует творчество писателя, было соотношение его личности и созданных им произведений. Поэтому первая часть книги посвящена переписке Достоевского, а не его художественным свершениям. К этому же аспекту Жид возвращается и в последней части книги – в публичных лекциях. По мнению Андре Жид, анализ переписки Достоевского поможет европейскому читателю понять феномен писателя.

Цитируя Достоевского, он утверждает, что русский классик не любил писать письма, а «язык этих писем часто запутан, неловок, неправилен [3, с. 209]. Такая оценка может показаться неожиданной на фоне многочисленных текстов Жида, восхваляющих и интерпретирующих книги Достоевского. Но в этом резком высказывании угадывается желание Андре Жида соотнести творца с его произведениями и противопоставить их друг другу. Для Жида важно показать, как в Достоевском уживается творец и публицист; большой художник, не знающий границ в своем творчестве, и человек, остающийся в рамках условностей в обыденной жизни. Жид противопоставляет удовольствие и работоспособность, руководствуясь которыми Достоевский создавал свои художественные произведения, отвращению, с которым Достоевский писал письма. Он объясняет это тем, что «Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица» [3, с. 210]. Жид подчеркивает, что для Достоевского определяющим фактором было то, что в письме невозможно передать ту глубину чувства и мысли, которая составляет духовную жизнь человека. Для подтверждения своей мысли Жид приводит признание русского классика в том, что он не любит писать о себе и не любит вообще «в меру писать».

Андре Жид строит свой текст «Переписка Достоевского» как полемику с текстом, написанным де Вогюэ. По мнению де Вогюэ, Достоевский не написал ничего совершеннее «Преступления и наказания», и его отношение к последующим романам Достоевского было или индифферентным, или критическим. Де Вогюэ сводил Достоевского к формулировке «религия страдания», выведенной из последних глав «Преступления и наказания» [3, с. 232]. По убеждению Жида, эти слова никак не соответствовали масштабу гения Достоевского, хотя отчасти

и были верны. Он пишет, что де Вогюэ не разглядел в русском писателе того счастья и той радости, которые подспудно проникают во все его творчество и которые, по наблюдению Жида, разглядел в романах Достоевского Ф. Ницше. Жид ставит де Вогюэ в вину не столько то, что он не оценил по достоинству масштаб творчества писателя, а то, что из-за этих суждений фигура Достоевского была заслонена другими русскими авторами, неслучайно с этого Жид начинает свою книгу. А. Жид отмечает, что непонимание русского гения было следствием отношения де Вогюэ к «Дневнику писателя», в котором он усматривал лишь «непонятные гимны, не поддающиеся ни анализу, ни логическому обсуждению» [3, с. 234]. Но Жид писал, что «русский народ увидел, к счастью, нечто другое, и Достоевский мог почувствовать, как вокруг его творчества осуществляется мечта о единстве, достигнутом без всякого насилия» [3, с. 234]. Иррационализм, который усматривал де Вогюэ во многих художественных и публицистических текстах Достоевского, Жид считал поиском того общего знаменателя, благодаря которому русский народ мог бы осознать свою русскость и свою особенность среди других европейских народов [3, с. 234].

Описывая русский характер и особенности православия, воссозданные в романах русского классика, Жид отступает от стереотипов о России. Жид продолжает открывать западному читателю Россию вслед за книгой Вогюэ, но не останавливается на его суждениях о мистицизме, а идет дальше, соглашаясь с Достоевским в том, что русский человек открыт всему европейскому и способен вместить в себя всю сложность мировой культуры. Здесь Жид отступает от стереотипа о вторичности русской литературы, он говорит о необъятной широте русской культуры, опираясь на суждения Достоевского в знаменитом очерке «Пушкин».

Тексты книги Жида «Достоевский» построены полемически по отношению не только к консервативным французским критикам и Э.-М. де Вогюэ, но и к другим интерпретаторам русского классика во Франции. Андре Сюарес, создававший в своих текстах портрет Достоевского в одно время с Жидом, вызвал у автора «Имморалиста» желание спорить и отстаивать свою точку зрения. Позиции Сюареса и Жида не были во всем противоположны по отношению друг к другу. Оба писали о том, что Достоевский вместил в свои произведения всю сложность русской души, открыв ее Западу, оба считали, что христианская тема русского писателя – самая важная для понимания его творчества. В речи, которую произносит А. Жид в зале “Vieux Colombie” на праздновании столетия со дня рождения Достоевского (третий текст книги «Достоевский»), он обращается к тем, кто еще не смог оценить масштаб русского писателя, и критически оценивает позиции ряда тех, кто написал о нем работы. Андре Жид не называет фамилии, но, по наблюдению А. В. Владимировой, в этом тексте прослеживается имплицитный спор в первую очередь с Сюаресом [4]. Это можно понять из «Дневника» Жида. Его возмущала молитвенная интонация Сюареса [5, с. 1145] и сглаживание углов миропонимания писателя, которые могли быть сложно восприняты западным читателем. Сюарес представлял Достоевского гуманистом в западной трактовке этого термина с целью облегчить его чтение, бесосновательно приблизить русского новатора к традиционным формам литературы. Более того, Сюарес соотносит собственные цели в литературе с идеями Достоевского, он пишет: «Достоевский, если только я не заблуждаюсь, и я сам на своем уровне, мы образуем противоядие против тирании разума, тирании философии, против всей этой бесчеловечной тирании» [6, с. 272]. Поэтому издание работы о Достоевском он

совместил с работами о Паскале и Ибсене, желая сблизить столь разных авторов. Дилемма, о которой пишет Сюарес, противопоставляя западный рационализм и христианское мировоззрение Достоевского, видится Жиду натянутой. Задача Жида состояла именно в том, чтобы познакомить французскую публику с новым для нее писателем, помочь ей воспринять то, что во Франции называли его «иррационализмом». Если Сюарес считает, что «русскость» Достоевского, выраженная в страсти и религиозном поиске, способна сгладить западный рационализм, то Жид предлагал не брать эту концепцию в расчет. Для Жида принципиально то, что Достоевского нельзя ставить в один ряд с французскими консервативными критиками и писателями, которые ведут борьбу с рационализмом Запада. Для Жида принципиально, что Достоевский своим творчеством снимает эту дихотомию (рационализм/мистицизм), углубляя и дополняя современное европейское знание о человеке. Он подчеркивает, что русский писатель не является органичной частью западного литературного мира, это фигура, нуждающаяся в осмыслении, лишенная привычных стереотипов о Европе и России. Жид писал о том, что западный роман, как правило, занимается отношениями между людьми (семейными, классовыми или общественными), тогда как романы русского писателя говорят об отношениях личности с собой и с Богом [3, с. 242]. Жид утверждает, что персонажи Достоевского не являются символами общественной жизни или типажам в духе классической комедии. Они интересны в своей сложности и полноте, отношения каждого из них с Богом проявляют их постоянное становление, их незавершенность, которую Жид противопоставляет цельности персонажей Бальзака. Социальная проблематика книг Достоевского является лишь фоном по отношению к христианской проблематике, на этом настаивает

Андре Жид. Даже если персонаж Достоевского не верит в Бога, его отношения с людьми определяются общей религиозностью русской жизни и русского самосознания. То, что Сюарес называл «иррационализмом», Жид считал новой писательской оптикой, благодаря которой читатель обрел новый взгляд на человека и его отношения с Богом. Жида возмущало и то панибратство, с которым Сюарес сопоставляет себя с Достоевским. Русский классик становится для него зеркалом, в которое он смотрится. Жид тоже склонен отбирать для анализа те аспекты мировоззрения и художественных поисков Достоевского, с которыми он сопоставляет свое творчество, о чем открыто пишет в финале своей книги: «Достоевский часто является здесь для меня только предлогом высказать собственные мысли. Я стал бы больше оправдываться, если бы считал, что, поступая таким образом, я исказил мысль Достоевского... Однако, нет. Самое большее, я, как пчелы, о которых говорит Монтень, искал в его произведениях преимущественно то, что подошло для моего меда» [3, с. 341]. Жид высказывает собственные мысли, говоря о Достоевском, но не переинтерпретирует смысл его текстов. Найдя возможность не упрощать его мировоззрение для восприятия публики, он создает свой портрет русского писателя, сочетая анализ произведений с утверждением собственной эстетической позиции.

Еще одна важная работа, которая в то же время была написана о России, русской литературе и Достоевском, – это эссе Жака Ривьера (1886–1925) «Россия» (1925). С молодости он был увлечен русской культурой, опубликовал несколько статей о Достоевском в журнале «Нувель ревью Франсез». В 1914 г. Ривьер попал в плен к немцам, где смог познакомиться с русскими лично, узнать об их привычках и начать учить русский язык. В текстах Ривьера представлено гораздо больше сведений не столько о

русских людях, сколько о культуре и литературе. В записных книжках многократно возникает тема «наивности», «детскости» и «естественности» русских людей. С другой стороны, он пишет о неопределенности русского характера, его незавершенности. Неопределенность в чертах русских лиц, мимике и даже в языке. Мысль Достоевского о всемирной отзывчивости русских и умении вбирать черты других наций в иной форме присутствует и у Ривьера, но не в таком однозначном позитивном ключе. Ривьера пленяла психологическая глубина, «неопределенность» и неупорядоченность книг русского писателя, он противопоставлял их французскому роману. Ривьер сравнивает русский и французский характеры, говоря о последнем как о «сформировавшемся и очень определенном». Но из этой текучести и естественности следуют и недостатки русских, которые он наблюдал в плену: им недостает гордости и умения бросить вызов. В лагере он отмечает их манию продавать все, которая заканчивалась воровством и коррупцией. Личный жизненный опыт и чтение русской литературы были проанализированы Ривьером и трансформированы в единый психологический портрет русских, который во многом коррелирует с тем, что пишет в своей работе Андре Жид. В своих публичных лекциях Жид будет рассуждать о русском характере в связи с фигурой Достоевского и говорить об отсутствии социальных перегородок в русской жизни, что во многом совпадает с мыслью Ривьера об «общинности» русских, которую он противопоставляет французскому индивидуализму. Эссе «Россия» было опубликовано спустя два года после смерти Ривьера (1927). В своей статье «Эссе Жака Ривьера “Россия” как психологический портрет русских» В. П. Трыков пишет: «Ривьер же не просто соединяет в образе русских противоположные черты, но показывает диалектику русского национального характера,

т. е. взаимообусловленность достоинств и недостатков русских, как из недостатков проистекают достоинства, а из достоинств – недостатки» [7, с. 228]. Это во многом корреспондирует с той задачей, которую Жид поставил перед собой, работая над лекциями о Достоевском. Выводя такие оппозиции, как смирение/гордыня и честь/унижение, Жид показывает дуалистичность русского характера, которая, по его наблюдению, в полной мере проявилась в наследии русского писателя.

В последней, самой большой по объему, части книги «Лекции в зале Vieux Colomberg» Жид развивает уже высказанные им идеи и дополняет их многочисленными примерами, а также анализом художественного наследия Достоевского. Главной целью всех шести лекций было проиллюстрировать то, как русское мироощущение, уникальное по своей сути, воплотилось в характерах персонажей Достоевского, какие художественные открытия удалось писателю в романах, как формировалась его сложная личность. Каждая из шести лекций поочередно открывает читателю новую грань литературного творчества русского писателя и воспроизводит этапы его эволюции. В первой лекции Жид снова останавливается на периоде каторги в жизни Достоевского и письмах, которые он писал оттуда своим близким. Жид пишет о том, какое глубокое впечатление произвело на Достоевского чтение Евангелия, когда он находился в ссылке. Он сравнивает это с тем, как воспринял священный текст Ф. Ницше, чье мировоззрение он считал родственным русскому классику. Реакцией Ницше, по Жиду, была зависть к Христу, а написание «Заратустры» имело цель соперничать с Евангелием. Смирение, о котором Жид постоянно напоминает своим читателям применительно к Достоевскому, поспособствовало возникновению совсем другой реакции. Достоевский склонился перед Христом, ощутил, что в этом священном тексте есть

нечто превосходящее не только его личность, но и все человечество. Самоотречение Достоевского, по убеждению Жида, помогло ему сохранить всю свою природную сложность и принять мир во всей полноте. Потому что в мире есть замысел, который не поддается человеческому осмыслению.

Особый интерес в этом смысле представляет вторая лекция, в которой Жид говорит не столько о Достоевском, сколько о специфике русского народа, о его уверенности в собственной миссии. Жид говорит, что Достоевский открывает читателю столь новые для него моральные и психологические истины, что к ним нельзя подходить сразу, а сначала необходимо описать контекст, в котором гений русского классика смог состояться. Французский писатель сообщает, что близко знал некоторых русских, но на момент написания лекций никогда не бывал в России. Поэтому для него необходимо привести цитаты из работ исследователей Достоевского и тех, кто в связи с ним описал особенности русского характера [3, с. 269]. В книге «Достоевский» Жид неоднократно ссылается на немецкую биографию автора «Преступления и наказания», написанную госпожой Гофман [3, с. 269], говоря о ней как о превосходной книге. В своей книге она пишет о двух аспектах русской жизни, на которых останавливает свое внимание Андре Жид. Это «круговая порука за всех и каждого, те братские чувства, которые во всех слоях русского общества приводят к упразднению социальных перегородок и совершенно естественно влекут за собой простоту общения, постоянно встречающуюся в романах Достоевского», и другая особенность русского народа – это «неспособность его к точному методу и нередко даже к точности вообще; русский как будто не очень страдает от беспорядка и не делает особенных усилий, чтобы его преодолеть» [3, с. 269]. Затрудненность чтения книг Достоевского и сложность при восприя-

тии его мыслей Жид связывает с этими особенностями русского человека. Мышление русских, по мысли Жида, не укладывается в готовую схему, оно не удовлетворяет западную логику. Достоевский, чью литературу Жид считал воплощением русского духа, также находится за гранью привычного западного восприятия литературы. Жид вслед за Гофман снимает европейский штамп о недоверчивости русского человека. По его наблюдению, эта недоверчивость русских направлена, в первую очередь, на самих себя, а не на окружающих, «недоверчивость вследствие самоуничтожения» [3, с. 270]. Жид пишет о религиозном мироощущении персонажей Достоевского, которое проявляется даже тогда, когда их вера в Бога угасает. Ощущение тайны, присутствующей в мире, и наличие высшего замысла приводит к глубокой неудовлетворенности по отношению к самому себе – далекому от идеала, грешному и не способному эту тайну постичь. Русский человек, по Гофман и Жиду, склонен не только к страданию, но и к состраданию. Жид пишет: «В русском языке одно слово означает и несчастного, и преступника, одно слово означает и преступление, и обыкновенный поступок» [3, с. 270]. Связывая эту мысль с приведенной цитатой из Гофман о братском чувстве русских людей друг к другу, Жид делает вывод о том, что самоуничтожение русского человека исходит из стремления к идеалу, из чувства собственной миссии. В подтверждение этих мыслей Жид приводит большой фрагмент из «Идиота» Ф. М. Достоевского.

В конце шестой лекции Жид говорит о том, что Достоевский может помочь Франции лучше понять саму себя. Являясь самым национально-русским писателем, он смог также стать универсально-европейским. Это борьба с заскорузлой традицией, которая губительна для культуры, а Достоевский, по Жиду, может оживить самосознание

Франции, привести ее к новым интеллектуальным прозрениям. «Во имя традиции были отвергаемы и гонимы многие, кому вскоре суждено было стать краеугольным камнем этой традиции» [3, с. 359]. В этой цитате искушенный читатель легко угадает намек автора на собственное положение в литературном контексте французской жизни.

В каждой из своих лекций Жид выводит оппозиции, составляющие суть русского характера, при понимании которых становится проще трактовать русского гения и поступки его персонажей. Двойственность русского характера, в котором достоинства являются продолжением недостатков, – это главная тема его лекций. Жид демонстрирует, что персонажи русского классика раскрываются не в отношениях между собой, но в своих отношениях с Богом и божественным замыслом, который они ощущают вследствие своего христианского чувства. Для Жида было важно подчеркнуть, что «другость» и «инаковость» русского человека определили гений русского писателя, они могут повлиять на французскую жизнь и уже непосредственно повлияли на самого Жида, на его поэтику, на его мировоззрение.

Одним из ярких проявлений полемики консервативных французских мыслителей и А. Жида о восприятии Достоевского стали письма Поля Клоделя (1868–1955). В них Клодель полемизировал с Жидом об образе Христа в творчестве русского классика. Первое письмо было написано после публикации «Переписки Достоевского» (1908), текста которым Жид намеренно инициирует дискуссию в обществе. Его целью было оспорить своих оппонентов и вызвать консервативных католических критиков на диалог. Второе письмо Клодель пишет после того, как был полностью опубликован сборник статей и лекций о русском писателе (1923). Клодель считал взгляды А. Жида близкими к протестантизму и не принимал его критику католичества

и церкви как таковой. За отсутствие при-
верженности религиозному догмату Кло-
дель критиковал и Достоевского. Видя в
Жиде протестанта по убеждениям, Кло-
дель противопоставляет лютеранство
католичеству в своем письме. По его
мнению, протестантское сознание обра-
щается к Евангелию как к историческому
Христу, а для католика церковь дает воз-
можность говорить с Христом напрямую,
обращает прихожанина к Христу беско-
нечному. Клодель, по наблюдению Софи
Олливье, не отдавал себе отчета, чем, в
сущности, является православие и сбли-
жал его с протестантизмом Жида [8].
Симпатия Клоделя направлена на Вели-
кого Инквизитора, в нем он видит эсте-
тическую и идеологическую силу. Он
считал, что Достоевский в «Братьях Ка-
рамазовых» хорошо почувствовал вели-
чие церкви, но впал в мелочность при
описании Великого Инквизитора. Кло-
дель, выступающий на стороне церков-
ного догмата, не понял, что в тексте До-
стоевского есть атака на церковь как на
воплощение неоспоримой власти. До-
стоевский не хочет того, чтобы церковь
стала государством. По его мысли, госу-
дарство должно преобразиться в цер-
ковь, стать ее частью. Клодель писал
Жиду, что без догмата нельзя построить
церковь. И полемика строится не столь-
ко вокруг фигуры Христа, сколько по от-
ношению к церкви.

Таким образом, надо отметить не-
сколько важных аспектов книги Жида о
Достоевском. Первый аспект – это жела-
ние французского писателя разделить
творца и его личность. Поэтому его так
занимает переписка Достоевского, к ко-
торой он обращается и в первой, и в чет-
вертой частях своего труда. Второй
аспект – он хочет «переоткрыть» До-
стоевского для западного читателя и отне-
стись к «другому» (в данном случае
к русскому пониманию христианства)
без снисхождения, непредвзято. Книга
Андре Жида вписывается в контекст ра-
бот о России и русской литературе,

открывая не изученные ранее элементы
поэтики Достоевского, которые тесно
связаны с контекстом, в котором фор-
мировался писатель. Для этого Жид от-
казывается от устоявшихся на Западе
стереотипов о России и осмысляет ре-
лигиозное мироощущение русского че-
ловека свойственное по мысли фран-
цузского писателя всем персонажам
Достоевского. Отсюда проистекает тре-
тий аспект, определивший содержание
работ Жида, – это их полемичность по
отношению к литературным критикам и
Э.-М. де Вогюэ и А. Сюаресу, предло-
жившим свой взгляд на творчество рус-
ского классика. Жид, противопоставляв-
ший себя консервативным критикам,
смог создать альтернативный взгляд на
наследие русского классика. Клоделя,
Вогюэ и Сюареса объединяет общий
взгляд на дихотомию рационализм/ми-
стицизм, которую снимает французский
модернист. Книга о Достоевском вклю-
чала элементы творческой автобиографии
А. Жида, описание собственной эволю-
ции как художника. Задуманный писате-
лем курс лекций складывался в период
его работы над «Фальшивомонетчика-
ми» и его поиском подходящей роман-
ной формы. Это заставило Жида обра-
тить внимание на литературную технику
Достоевского, что впоследствии повлияло
и на форму «Фальшивомонетчиков». Ис-
ходя из этого, следует отметить чет-
вертый аспект книги о Достоевском –
желание Жида высказать собственные
взгляды, впрочем, не искажая портрет
русского писателя. По частям книги мож-
но проследить, как менялись взгляды
французского модерниста и как это от-
разилось в его произведениях. Отстаивая
собственные эстетические установки,
Жид сумел создать книгу, открывшую
западному читателю новые грани в твор-
честве русского писателя. С. Л. Фокин
пишет об этой книге следующее: «Важ-
но понимать, что “Достоевский” Жида
складывался из трех стихий: устной
импровизации, театрального чтения

эффектных сцен и целенаправленно-го интеллектуального оболъщения» [9, с. 115]. После этой книги Достоевский воспринимался во Франции в сопровождении А. Жида, и впоследствии новые интерпретаторы русского классика считались с его позициями, соглашаясь или оспаривая их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трыков В. П. «Русская душа» в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» // Россия в литературе Запада: колл. моногр. / отв. ред. В. П. Трыков. М.: МПГУ, 2017. С. 124–147.
2. Gide A. *Journal*. II. 1926–1950. Paris: Gallimard, 1997. P. 780.
3. Жид А. Достоевский // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 464 с.
4. Владимирова А. И. Андре Сьюарес о Достоевском // Взаимосвязи и взаимовлияния русской и европейской литератур: материалы междунар. науч. конф. СПб.: СПбГУ, 1999.
5. Gide A. *Journal*. I. 1877–1925. Paris: Gallimard, 1996. P. 1145.
6. Suarès A. *Trois hommes*. Pascal. Ibsen. Dostoïevski. Paris: Gallimard, 1935. P. 272.
7. Трыков В. П. «Эссе Жака Ривьера “Россия” как психологический портрет русских» // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 223–232.
8. Оливье С. Полемика между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. № 3. С. 210–221.
9. Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. 396 с.

REFERENCES

1. Trykov V. P. “Russkaya duha” v knige Ezhena-Mel’khiora de Vogyue “Russkiy roman”. In: Trykov V. P. (ed.) *Rossiya v literature Zapada: coll. monogr.* Moscow: MPGU, 2017. Pp. 124–147.
2. Gide A. *Journal*. II. 1926–1950. Paris: Gallimard, 1997. P. 780.
3. Gide A. Dostoievskiy. In: Gide A. *Coll. works*. In 7 vols. Vol. 6. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub, 2002. 464 p. (In Russian)
4. Vladimirova A. I. André Suarès o Dostoievskom. In: *Vzaimosvyazi i vzaimovliyaniya russkoy i evropeyskoy literature. Proceedings of International scientific conference*. St. Petersburg: SPbGU, 1999.
5. Gide A. *Journal*. I. 1877–1925. Paris: Gallimard, 1996. P. 1145.
6. Suarès A. *Trois hommes*. Pascal. Ibsen. Dostoïevski. Paris: Gallimard, 1935. P. 272.
7. Trykov V. P. Esse Jacques Rivière “Rossiya” kak psikhologicheskij portret russkikh. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2014, No. 1, pp. 223–232.
8. Ollivier S. Polemika mezhdru Polem Klodelem i Andre Zhidom po povodu obraza Iisusa Khrista v tvorchestve Dostoievskogo. *Problemy istoricheskoy poetiki*. Petrozavodsk, 1994, No. 3, pp. 210–221.
9. Fokin S. L. *Figury Dostoievskogo vo frantsuzskoy literature XX veka*. St. Petersburg: RKhGA, 2013. 396 p.

Усенок Дмитрий Дмитриевич, аспирант кафедры всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет

e-mail: dmi.usenok@yandex.ru

Usenok Dmitry D., PhD post-graduate student, World Literature Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: dmi.usenok@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 10.05.2021
The article was received on 10.05.2021*